

Глава 7. Дом для тех, кому некуда идти

С приходом весны на вилле начались новые работы.

Параллельно со строительными работами начались работы по обеспечению виллы овощами и фруктами.

И именно тогда огород разросся еще сильнее.

Теперь за виллой тянулись аккуратные ряды грядок, теплицы и небольшие поля.

Сначала посадили картофель и кукурузу.

Потом добавили капусту, морковь и лук.

Позже появились теплицы с томатами и огурцами, а также отдельный участок под зелень, которую использовали на кухне каждый день.

Садовники уже не просто работали — они почти жили на земле, постоянно что-то пересаживая, улучшая и расширяя.

И впервые за долгое время территория виллы стала не только ухоженной, но и по-настоящему живой.

Сначала это выглядело как обычное сезонное обновление территории, но очень быстро переросло в полноценный проект.

И он не ограничился только овощами.

К грядкам добавились новые посадки.

Фруктовые деревья.

Ягодные кусты.

Плодовые культуры, которых раньше на территории виллы не было вовсе.

Садовники сначала растерялись, но быстро включились в работу.

Появились яблони, груши, персики.

Чуть позже — сливы и вишни.

Отдельно выделили участок под малину и смородину. Виноградник сделали отдельно.

Территория постепенно превращалась не просто в ухоженный сад, а в полноценное хозяйство, где все было продумано до мелочей.

Весна сменилась летом. Строительство подошло к концу.

Экзамены за шестой класс подтвердили очевидное.

Первое место.

С большим отрывом.

Настолько большим, что результаты вызвали бурные обсуждения среди педагогов.

Один из учителей даже пошутил:

— Скоро нам придется искать университет, а не школу.

Никто тогда не засмеялся.

Потому что шутка звучала слишком правдоподобно.

Лето незаметно перетекло в осень.

И вот наступил новый учебный год.

Шэнь Цзиньхань официально стал учеником седьмого класса.

К этому моменту ему уже исполнилось девять лет.

За последний год он заметно подрос, хотя по-прежнему выглядел младше своего возраста.

Болезни все еще оставляли след на его теле.

Он оставался худым.

Слишком худым для ребенка его возраста — тонкие запястья легко обхватывались пальцами взрослого, ключицы отчетливо проступали под кожей, а даже легкий ветер заставлял его инстинктивно плотнее запахивать одежду.

Бледным.

Почти фарфоровым.

Его лицо, с мягкими, тонко очерченными чертами, иногда казалось слишком изящным для мальчика — в нем было что-то андрогинное, почти хрупко-красивое, из-за чего незнакомые люди нередко на мгновение терялись, пытаясь понять, перед ними мальчик или девочка.

Длинные ресницы отбрасывали тень на щеки, делая взгляд еще глубже и спокойнее, а темные волосы, чуть отросшие, мягко падали на лоб, придавая ему почти книжный, нереальный вид.

Но эта красота была обманчивой.

Стоило ему сделать лишнее движение — и становилось заметно, насколько он слаб.

Как быстро он устает.

Как осторожно дышит после долгой ходьбы.

Как иногда незаметно опирается рукой о стол, будто проверяя, выдержит ли тело очередной день.

И все же в его движениях появилось больше уверенности.

Организм постепенно восстанавливался после прошлогодней комы.

Врачи все еще запрещали чрезмерные нагрузки.

Госпожа Чжан все еще следила за тем, чтобы он вовремя ел.

Охранники все еще были готовы в любой момент подхватить его, если станет плохо.

Но сам Цзиньхань чувствовал себя намного лучше.

Настолько, что вновь начал скучать.

Первый день седьмого класса начался весьма своеобразно.

Учитель математики что-то объяснял возле доски.

Большинство учеников старательно записывали материал.

А Шэнь Цзиньхань спокойно читал роман.

Толстый роман.

Совершенно не относящийся к учебной программе.

Книга лежала прямо на парте.

Открыто.

Без попыток скрыть обложку.

Без желания притворяться внимательным учеником.

Его тонкие пальцы, почти прозрачные на свету, медленно перелистывали страницы, а сам он сидел чуть боком, чтобы удобнее было держать книгу, время от времени слегка наклоняя голову.

В какой-то момент преподаватель не выдержал.

— Шэнь Цзиньхань.

— Да?

Мальчик поднял голову.

И на мгновение в классе стало тише.

Его лицо, освещенное светом из окна, выглядело слишком спокойным и слишком красивым для обычного школьного шума.

— Что вы читаете?

— Роман.

— Во время урока?

— Да.

По классу прокатились смешки.

Учитель устало потер переносицу.

— А тема урока вам понятна?

— Да.

— Вся?

— Да.

— Тогда решите задачу номер восемь.

Цзиньхань закрыл книгу.

Поднялся.

Взял мел.

Через несколько минут задача была решена.

Без ошибок.

Более того, он показал способ решения короче, чем был в учебнике.

Класс затих.

Учитель посмотрел на доску.

Потом на ученика.

Потом снова на доску.

— Садитесь.

— Хорошо.

Книга снова открылась.

Преподаватель тяжело вздохнул.

Подобные сцены происходили уже не первый год.

Проблема заключалась в том, что придраться было не к чему.

Совсем.

Домашние задания выполнены.

Контрольные написаны идеально.

Ответы правильные.

Поведение спокойное.

Урок не срывает.

Одноклассникам не мешает.

Даже дисциплинарное замечание написать невозможно.

В итоге большинство учителей просто махнули рукой.

Некоторые даже сами приносили ему дополнительные материалы.

Другие просили участвовать в олимпиадах.

Третьи вообще перестали обращать внимание на книги на его парте.

Через несколько недель состоялось очередное собрание администрации.

Директор школы выглядел уставшим.

— Он снова перерос программу.

— Согласен.

— И что будем делать?

— Переводить.

— Нам уже запрещали.

— Но он все равно скучает.

— Это правда.

После нескольких часов обсуждений было принято решение.

Очередной запрос отправили в местное управление образования.

На этот раз предложение выглядело иначе.

Не просто перевод.

А сразу перевод в девятый класс.

После чего предполагалось разрешить ему сдать выпускные экзамены основной школы.

А уже при переходе в старшую школу окончательно запретить перескакивать через классы.

Исключительно ради социализации.

И психического развития.

Потому что даже самые лояльные учителя начинали понимать — бесконечно ускорять обучение невозможно.

Пока чиновники спорили.

Пока специалисты писали заключения.

Пока директора обменивались документами.

Сам виновник всей этой суеты жил своей обычной жизнью.

Читал.

Учился.

Гулял по территории виллы.

Иногда проходил мимо огорода, где уже вовсю росли новые посадки.

Он иногда останавливался, смотрел, как рабочие собирают урожай ранней зелени или пересаживают рассаду в теплицы, и молча отмечал, что система постепенно становится устойчивой сама по себе.

Иногда разговаривал с сотрудниками.

Именно во время одного из таких разговоров к нему подошел охранник Чэнь.

Высокий мужчина лет тридцати пяти.

Обычно уверенный в себе.

Но сейчас он выглядел непривычно смущенным.

— Молодой господин.

— Да?

— Можно поговорить?

— Конечно.

Мужчина несколько секунд мялся.

Потом начал.

— У меня есть старший брат...

— Угу.

— Он раньше служил в армии.

Цзиньхань сразу отложил книгу.

Его тонкие пальцы аккуратно легли на обложку, а сам он чуть выпрямился, хотя это движение сразу выдало слабость — он сделал это слишком медленно, будто тело неохотно слушалось.

— И?

— После аварии его комиссовали.

— Травма?

— Да.

— Серьезная?

— Больше не может полноценно служить.

Наступила пауза.

— У него семья.

— Понятно.

— И сейчас трудно найти работу.

Чэнь явно чувствовал себя неловко.

Просить за родственников всегда непросто.

Особенно работодателя.

Однако Цзиньхань лишь кивнул.

— Пусть приходит.

Мужчина замер.

— Правда?

— Да.

— Просто так?

— Да.

— Спасибо, молодой господин.

В тот же вечер госпожа Чжан получила новую задачу.

Найти место еще для одного сотрудника.

— Молодой господин.

— Да?

— Нам не нужен еще один охранник.

— Значит найдем другую работу.

— Но...

— Он военный.

Госпожа Чжан замолчала.

За последние годы она заметила одну особенность.

Шэнь Цзиньхань испытывал искреннее уважение к людям в форме.

Особенно к тем, кто пострадал во время службы.

Причина была довольно простой.

Он слишком много читал.

В книгах солдаты часто погибали, защищая других.

В книгах военные первыми шли на опасность.

В книгах они прикрывали товарищей.

Жертвовали собой.

Спасали людей.

А потом он познакомился с Лю Гоцяном, и его несколькими коллегами.

И понял, что многое из этого существует не только в книгах.

Они действительно были сильными людьми.

Не физически.

Хотя и это тоже.

А морально.

Внутренне.

Поэтому его отношение к ним постепенно стало почти особенным.

Через неделю брат Чэня появился на вилле.

Потом еще один бывший военнослужащий.

Потом еще двое.

Потом еще один.

Слухи распространялись быстро.

Особенно среди людей, которым было сложно найти работу после увольнения из армии.

Вскоре вилла неожиданно стала известна в определенных кругах.

Как место, где готовы дать шанс.

К концу года число бывших военных увеличилось на двенадцать человек.

Некоторые работали охранниками.

Некоторые занимались хозяйством.

Кто-то следил за техникой.

Каждый находил свое место.

Сначала бывшие военные приходили на виллу по одному.

Без лишних разговоров.

Просто люди, которым было некуда идти и которые хотели работать.

Они не жаловались.

Не просили многого.

Не пытались навязать себя.

Именно это Шэнь Цзиньханю особенно нравилось.

Они были прямыми.

Сдержанными.

Надежными.

Но очень быстро выяснилось, что многие из них не могут жить одни, больше чем у половины из них были семьи.

И тогда часть из них начала переезжать в ближайший город.

До него было около сорока минут пути.

Некоторым это казалось неудобным.

Особенно тем, у кого были маленькие дети или пожилые родители.

Но никто не жаловался.

Не потому что не было проблем.

А потому что не хотели создавать их.

Они просто терпели.

Ездили каждый день.

Рано утром — в город.

Поздно вечером — обратно.

Иногда возвращались уже затемно, уставшие, но все равно молчали.

Шэнь Цзиньхань заметил это не сразу.

Сначала он просто видел, что некоторые сотрудники стали приезжать позже.

Потом — что они выглядят более уставшими.

Потом — что разговоры между ними стали короче.

И только однажды, проходя мимо парковки, он увидел, как один из охранников, сняв форму, садится в старую машину с детским креслом на заднем сиденье.

И остановился.

Долго смотрел.

Не вмешивался.

Но впервые сформулировал для себя простую мысль: люди, которые каждый день тратят силы на дорогу и переживают за семью, не могут быть полностью сосредоточены на работе.

А значит — они менее стабильны.

Менее предсказуемы.

И чаще уходят, когда появляется лучший вариант.

Он молча посмотрел в сторону города.

А потом впервые за долгое время подумал, что, возможно, людям нужно не только место работы.

И не только дом.

А что-то между этим.

И если он принимает человека, то должен думать и о его семье.

И тогда он понял ещё одну вещь.

Если он хочет, чтобы сотрудники оставались надолго, он должен дать им не только работу.

И не только зарплату.

Но и безопасность.

И стабильность для их семей.

Потому что человек, у которого есть дом рядом с работой и защищённая семья, не ищет другое место.

Он остаётся.

Он привязывается.

Он начинает воспринимать это место как своё.

Шэнь Цзиньхань решил, что лучше, если они будут жить вместе со своими близкими.

Только не на самой вилле.

Это была его территория.

И территория его людей.

Он не хотел превращать виллу в общежитие.

Не хотел, чтобы чужие семьи постоянно ходили по его дому.

Не хотел, чтобы личное пространство смешивалось с рабочим.

Поэтому он решил иначе.

На следующее утро он поставил няню Чжан в известность, что собирается построить дома для сотрудников.

Не на территории виллы.

Но достаточно близко, чтобы дорога перестала быть проблемой.

Госпожа Чжан уже давно перестала удивляться подобным решениям.

Поэтому лишь спросила:

— Какие?

— Небольшие.

— Сколько?

— Несколько.

— Для сотрудников?

— Да.

— С семьями?

— Да.

— Рядом с виллой?

— Да.

Он сделал паузу и добавил:

— Так они будут меньше уставать. И не будут уходить.

Госпожа Чжан посмотрела на него внимательнее.

Теперь это звучало не как импульсивное решение.

А как стратегия.

И главное — теперь сотрудники не просто работали здесь.

Они жили рядом.

И это меняло всё.

Они переставали думать о том, что могут уйти.

Потому что уход означал бы не только смену работы, но и потерю дома.

Чем больше она слушала, тем логичнее это казалось.

В течение зимы он успешно закончил седьмой класс, а после сдачи экзаменов его перевели сразу в девятый класс — решение, которое школа добивалась уже давно и которое наконец было одобрено.

Весной он выкупил несколько соседних участков земли.

Там росли старые деревья и густые заросли.

Участки расчистили.

Часть деревьев вырубili.

Потом начали проектирование.

И очень скоро рядом с виллой снова закипела работа.

На месте пустыря появились первые фундаменты.

Потом стены.

Потом крыши.

В итоге вырос целый небольшой жилой комплекс из шести домов.

Каждый дом — по четыре этажа.

На каждом этаже — по четыре квартиры.

Простые, но удобные.

С отдельными кухнями, санузлами и небольшими балконами.

Первые этажи сделали чуть просторнее — для семей с детьми и пожилыми родителями.

И главное — все понимали, что эти дома строятся не только для тех, кто уже работает на вилле.

Но и для тех, кто придет позже.

Для будущих сотрудников.

Для тех, кому тоже понадобится место, где можно начать заново.

И это понимание делало проект особенным.

Потому что он был не про удобство.

А про уверенность в том, что люди еще придут.

Для многих семей это стало настоящим спасением.

Когда первые жильцы получили ключи, некоторые не скрывали эмоций.

Один бывший сержант долго смотрел на новую квартиру.

Потом неожиданно поклонился.

Так глубоко, что Цзиньханю стало неловко.

Он стоял чуть в стороне, тонкий, почти невесомый на вид, с бледным лицом и мягкими чертами, и на мгновение даже казалось, что ветер может легко унести его — настолько хрупким он выглядел рядом с крепкими взрослыми мужчинами.

— Не нужно.

— Молодой господин...

— Правда не нужно.

— Вы помогли моей семье.

— Я просто сделал так, чтобы вы могли спокойно работать.

Сержант замолчал.

А затем улыбнулся.

Впервые за долгое время.

Той осенью Шэнь Цзиньхань стоял возле окна кабинета.

За пределами виллы постепенно зажигались фонари.

В новых домах светились окна.

Где-то готовили ужин.

Где-то смеялись люди.

Где-то просто жили.

И это делало их гораздо более стабильными.

И гораздо более привязанными к месту.

И впервые это ощущение было не просто наблюдением.

А пониманием, что система, которую он выстроил, действительно работает.

И что люди, которых он принял, теперь остаются не из страха или обязательств.

А из выбора.

И это было самым важным результатом.

Он долго смотрел на эту картину.

Спокойно.

Молча.

Пальцы слегка сжимали край книги, но он не открывал ее.

Потом вернулся к чтению.

Но впервые за многие годы книга показалась не самым интересным занятием.

Потому что настоящая жизнь происходила прямо за окном.

И часть этой жизни появилась благодаря его решению.

А это ощущение оказалось неожиданно приятным.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17887/1832566>